Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Мотель Бейтсов. Часть 12

ВНИМАНИЕ! Данными СТРОКАМИ, я ЗАПРЕЩАЮ публикацию ВСЕХ своих произведений на других ресурсах, кроме eromo. com, БЕЗ упоминания моего никнейма ИЗРАЭЛЯ. Моё разрешение можно получить, написав мне в личку.

Вера. Тот же вечер.

Я думала он шутит насчёт порки. НЕТ! Не шутит. Говорит, чтобы мы все оголились. Даша и Настя исполнили первыми. Вообще то Ника начала первой раздеваться, но она это делала медленно, будто кайфовала.

— А вас это первейшим образом касается. Мама, Вера! Если я сам вас раздену будет пять лишних ударов.

Мамочка начала после Ники. Я сейчас... , я только наслажусь этим стриптизом. Девочки также любуются совершенством. Хм. А у Даши бёдра блестят. Течёшь, миленькая? У Насти сосочки выдают возбуждение. Похоже я сегодня оторвусь. Паша, потом папа, затем папа-Паша. В конце мама с Настей и возможно Даша.

— Зинаида Макаровна! Вы как старшая, должны показать пример. — Блин, Паша играет роль судьи. Ладно поиграем и мы. — Пап, сколько розог она заслужила?

— Я думаю пятьдесят... Да, да. Не смотри на меня так, милая. Пятьдесят. Но учитывая, что она была со мной честна и ласкова, что она будет матерью моего ребёнка, то я амнистирую её.

— Спасибо, милый. Но я должна быть наказана. Просто авансом. Вдруг когда-нибудь нагрешу... — Мама улыбается, довольная своей выдумкой. — Думаю выпишу себе аванс в виде десяти... нет, пятнадцати ударов розгами. Но где же справедливость, господа судьи? Вы раздеты не по чину. Оголяйтесь!

Ника и я горячо поддержали заметку мамочки.

А вот и бревно, на котором мы будем подвергаться наказанию. Оно застелено старым покрывалом.

Раздевшись муж обращается ко мне:

— Добровольное признание смягчает наказание. Вера, жена моя, покайся. Расскажи откуда на твоём прежде чистом теле множество засосов?

— Я грешна муж мой. В пылу страсти, когда оставляла такие же штампы на теле любовницы, я облизала ткань со спермой чужого мужчины, являющегося Вере отцом-мужем. Так же по глупости сделала вот что... Пап, подай мне стул со спинкой. — Пока папа доставал из-за стола стул, надела платье. Сев на «седло», показала мужу и Нике как засветила письку. — И сидела так перед его носом, до тех пор, пока папа не намекнул мне о пассаже. За эти два проступка я достойна пятидесяти ударов розгами.

— Наказание смягчается до двадцати пяти. Ника, родная, ты...

— Я восемь раз сказала скверну вслух и не считано раз в уме.

— Десять...

— Я не помолилась перед сном. — Хлопая ресницами сказала Настя. — Десять, да?

— Меньше десяти нельзя. Даша?

— Я следила за тобой. Это грех?

— Это серьёзный грех. Ты не доверяешь Богу? Пятьдесят. — Я смотрю на бедную девочку, на её худенькую попку. А она стоит довольная. Глупая, тебя же будут бить! — Наказание мы

растянем на пять вечеров.
— Господин судья, — мама призывает Павла к вниманию, — тот аванс на который я согласна, увеличьте до тридцати, и вычтите из наказания Даши.
— Нет! Должна же быть справедливость. Она следила, не доверяла Ему, а наказание понесёшь ты? Даша, я справедлив?
— Да, муж мой! И прошу — покарай сегодня же.
— Я лягу первая, как опытная. — Ника легла так, что её крупные гениталии оказались над срезом бревна.
Это было так развратно и в тоже время возбудительно. Я представила себя на её месте, как лежу уже отхлёстанная, с кровавыми следами побоев. Как к моим органам приливает кровь, выплавляя из меня воск оргазма. Как Паша подходит к моей промежности со своим членом и «замеряет» им температуру расплава.
— Сильнее... ещё... ещё... — Ясно — они с Никой договорились.
Ведь раньше он хлестал ладонью, а теперь берёзовым прутком, и не зная силу удара, можно рассечь кожу. Но полосы от ожогов ветками отпечатались сразу. А может Ника мазохистка? Вытерплю ли я? Вытерплю! Лягу сразу после сестры!
Господи. Да она натурально кончает, мне отсюда видно, как сжимается её вульва. Да чем же они тут без нас занимались? Ха! А муж и папа возбудились! У них стояк! Да ещё какой.
Я сразу заняла место на бревне. Оно жаркое от тела сестры, торец ствола весь мокрый, он ПРОПИТАН феромонами!
Давай истязатель, карай.
— Ай... ! Ай... ! — Я продолжила айкать.
Больно, однако! Первые разы... Восемь, девять.
— Сильнее... , ещё... ещё! Бей сильнее — я лизала ЧУЖУЮ сперму! Пятнадцать, шестнадцать. Я возбудилась, слизывая ЧУЖУЮ сперму! Карай! Сильнее карай. Родной, ударь ещё десяток раз, выбей из меня грех.
Паша сам офигел от такого моего принятия игры. Я продолжила лежать на бревне, чувствовала, как по ляжке течёт влага. Это не кровь, это сгусток феромонов. Давай, родной, трахни меня прямо здесь! Но он помогает мне встать с бревна, отводит в сторонку. Я вижу, что на бревно ложится мама.
Папа всего лишь «попарил веничком» мамину попку. Она хоть и покраснела, но через несколько минут отбелится.
Настя спешит занять лобное место. Паша также поглаживает попку девочки. Даша. Ты уже женщина, испытывала оргазм, неужто ты начнёшь также просить усиления, как я?
Да, он гуманист, шлёпал лишь для вида. И девочка терпит, редко вздрагивает, сжимая ягодицы. Надо будет сказать ей, что сжимать плохо — кожа натягивается, может лопнуть. Но соки из неё бегут, возбудилась, миленькая. Сорок.
— Муж мой, ударь сильнее. — Кричит Даша. — ещё чуточку... ещё, айяй, ещё... айяй.
Я что ли тоже так оргазмировала? Произнести что ли скверну? Лечь снова...
Пятьдесят. Лежит наша женщина, руки-ноги свешены вниз. Попка красная, вульва бордовая, привлекательная. Я уже не могу терпеть, сейчас начну слизывать эту сладость...
Паша! Почему ты меня так не оживлял? Зачем ты натираешь член о её косточки?
Ох ты мудрец! У меня же папа!
Я просто охватываю папу за шею, подпрыгиваю ему на грудь и медленно опускаюсь

влагалищем на ЧЛЕН. Папа фигеет, стоит истуканом. Но мне и так пока достаточно. Я ощущаю всеми миллионами клеток влагалища его пенис. Тот орган, о котором мечтала с четырнадцати лет.

Вот ты какая, кость! Я ведь в первый раз считала, что это у него кость вылезла. Чем же ещё он долбил дыру Ники? Не знала даже КУДА входит такой «мосол». Ведь в тот первый день, он трахал Нику на её кровати, и ракурс был не лучший. И вот теперь я знаю о половом устройстве всё. Я даже могу, напрягая мышцы вагины ощупывать ствол, головку.

Подтянувшись на руках, совершаю фрикции, подставляю губы для поцелуев. Но он всё также заторможен.

— Пап, не стой как чурбан. Я ведь тебе говорила, что мечтала о тебе. Давай представим, что я у тебя одна дочка, и могу заменить тебе ту, которая покинула нас.

Папа ожил, начал приподнимать меня за попу. Больно! Но приятно. Моё узкое влагалище папе очень нравится, он кряхтит, проникая в него. Я лишь оглянулась на бревно. Паша всё ещё оживляет Дашу. Мамы и Насти нет. Ника сидит на траве и мастурбирует. Все заняты сексом! Всем хорошо! А мне, наверное, лучше всех. Шесть лет ожидания — это невероятное томление!

Пахнущие табаком и алкоголем уста, наконец целуют меня, они царапают мою нежную кожу, однако это возбудительно... Направляю внимание на соски, трущиеся о его волосатую грудь. Я уже тёрлась ими о него — это было в детстве, я ничего не понимала, просто сравнивала величину его сосков со своими детскими прыщиками.

— Пап, положи меня на другой конец бревна. Попка болит, отвлекает.

Я, наверное, тяжелее аккумулятора, но спокойно носит меня, опускает на бревно. Голова Даши, вот она рядом, поглаживаю её по волосам, а мужчины вошли в ритм, совершают толчки синхронно. Со стороны Ники слышу такие же ритмичные хлюпанья гениталий.

Сейчас я могу сосредоточить внимание на скольжение пениса в вагине. Плоть на нём не такая толстая как на пенисе Паши, не закрывает головку полностью и венец при движении из меня, скользя по складкам влагалища, как пальцы арфистки перебирают «струны» моей «арфы». Струны вибрируют, мои нервные окончания поют с ними в унисон.Я сильно выгибаю позвоночник, меняю «настройки арфы» — папа начал аккомпанировать мне, так же стонет, скоро разрядится. Давай, родной мой, залей моё влагалище спермой, сегодня и ещё три дня после, можно! Паша внезапно вынимает пенис и стреляет в мою сторону спермой — две первых капли долетели, измазали мне нос и глаз. Папа повторяет за ним — Даша аналогично украшена. Подтянувшись на бревне животом к Даше, слизываю папину сперму, она улыбаясь слизывает Пашину.

— Паш, обоссы! — Слышу вскрик Ники.

Поднимаюсь, оборачиваюсь. Сестра сидит будто готова подмыться. И «смеситель» с таким оригинальным гусачком, начинает лить золотистую влагу. Фу! Ника! Полоскать рот мочой? Что-о-о-о? Дашка! Ты тоже этому обучена?

Это какой-то гипноз — я тоже сижу и ловлю ртом мочу. Тут и папа подошёл, начал орошать нас троих. Так Ника ещё и мастурбирует! Будто подмывается, но на самом деле яростно треплет свои большие лепестки. Я опять ловлю себя на повторении за ней этих развратных действий.

Жидкость в «кранах» иссякает. Всё, можно лечь на мураву.

— Ника, покажи продолжение. — Павел говорит с какой-то своей возбуждённостью.

Поднимаю голову — муж мой лёг на траву, а над ним стоит Ника и мочится. Он также ополаскивает зубы. Омывает член. Даша, хихикая тоже повторяет за Никой. Папа тянет меня на себя.

Для тебя, родной, я постараюсь. Папочка даже пьёт мою мочу, подставляет голову, свою лысину. Да, пап, может волосы начнут расти!

Только выдавила последние капли, как раздался сигнал грузового авто. Павел! Ты куда голышом? А, всего лишь в баню.

За полминуты он смыл с себя запах мочи, быстро оделся.

— И часто вы так развлекались? — Спрашиваю у Ники.

— На следующий день, раз, потом ещё один и сегодня днём, до вашего приезда. Так захотелось быть его самкой. Вижу тебе не очень... , а я так бы каждый день подмывалась бы. Даш, а ты чего влезла?

— Она всего лишь попробовала и ей это не понравилось! — Я перебиваю девочку и внушаю ей свою концепцию. — Ничего приятного, да?

— Я хорошо об этом подумаю. А где мама и Настя?

— Мама потом с тобой поговорит. У тебя дырочка кровит. Пойдём в баню, подмоемся, поспринцуемся. Больно было?

— Боль и услада — две сестры. Мне с ними хорошо. У тебя есть такие сёстры?

— На, вот клизму, спринцуйся... Я после первого раза с Пашей простыла, а когда выздоровела, то боль стала усладой. Твоя боль тоже исчезнет.

— Мне нужно расплести косу, она мокрая. Поможешь?

Мне надо учиться обращаться с дочкой. Я расплетаю косы, убираю алый лоскут, заменяющий бант. Поливаю из ковшика на волосы, распределяю шампунь. Даша сидит, терпит. Повторив мытьё волос, ополаскиваю их из ковша.

— Я тоже хочу помыть твои волосы.

Вскоре появляются мама с Настей. Такой же блуждающий по лицам родных взгляд имела я после объятий с мамочкой.

Настя обращает внимание на мою попочку.

— Сестрица, встань, я посмотрю на полосы, оставленные прутьями. — Говорит девушка, обозрев мои «рисунки». — Крепко тебя наказал муж. У нас с мамой всё прошло, только вас, грешниц Павел бил сильно.

Настя полезла на верхний полок, где улеглась Зинуля. Сев на её мягкие булочки, прильнула к спине, обняв за плечи. Не знаю делала ли она маме куни, но расслабление мамочки соответствует её посторгазменному состоянию.

В парную заходят остальные — Павел и папа с Никой. Места мало, но Даша садится на колени мужу, я умащиваю свою попку на коленях папочки.

Муж сообщает, что дом деда больше не будет сдавать — в нём буду жить я вместе с ним и девушками.

— Пора определяться что делать с монетами. — Говорит он, поглаживая Дашу по бедру.

— Скоро приедут наши новые родственники, устроим им приключения с поисками клада, а потом решим, что делать. — Мама перевернулась, подложила руку под голову, а на её груди так и лежит Настя.

— Но как спрятать сундучок в землю, не показав свежее рытьё земли? — Спрашивает папа.

— Даша, в домах скита есть чердаки... ? Это второй потолок. — Объяснил муж.

— Нет, только в леднике. Настя, ты помнишь лазила туда и поправляла что-то?
— Там так тесно и пауков куча. Я прокладывала кору берёз и лишайник.
— Вот туда и затолкаем наш клад. Делать всё придётся тебе, Насть. — Говорю я, уже сидящей на лобке мамочки девушке.
Сосочки, её горящие янтарём сильно возбуждены, наверняка писька её поливает мамину промежность влагой.
— Мне тут жарко. — Голова Насти находится в самом верху, где очень жарко.
Паша ставит Дашу на пол, помогает Насте слезть. Она выходит в предбанник.
— Родная, мне нужен массаж. — Папа обращается к маме. — И не только... , не привык я к худым девушкам. — Он подмигивает мне.
Мы, толкаясь, ополаскиваем тела от пота, покидаем старших. Ника с Дашей идут готовить чай.
— Настя, мама у тебя спрашивала, когда будет следующая кровь?
— Спрашивала, но я не понимаю в днях. Научишь?
— Конечно научу. А Даша знает о своей крови?
— Мне о том тоже неизвестно. А для чего нужно знать?
— Вы с Дашей ещё слабы, чтобы зачать хороших деточек. Вот поправитесь, мама разрешит вам рожать.
— А тебе мама разрешила?
— Да. И через три дня, муж будет стараться. Будешь, Паш? — Спрашиваю его просто так, чтобы он вступил в нашу беседу.
— Я это буду делать с большим удовольствием. Вспомню все этапы, пройдённые с Никой. А сегодня пора прекратить томить девочку. Веди её в наш дом, приготовьте постели, приходите пить чай.
В доме, ставшим моим, три кровати. Одна широкая, как полуторка и две узкие — односпалки. Я уже раздумываю, как и чем украшу дом, но сегодня дефлорация Насти. И это меня отвлекает от дизайна.
Промежность Насти я видела. Такая же тощая как у Даши, щели вообще не видать.
Так! на сегодня всё готово! Свои любимые простыни я постелю завтра, а сегодня на тех, которые достались в наследство от родственников.
К вечеру ветер переменился — погнал волну холода с гор, а Настя пришла в одном платьице замёрзнет пока дойдёт до дома мамы. Открываю сундук. Тут есть женская одежда и большая цветастая шаль. От неё несёт нафталином, но она хорошо согревает девочку.
Столы опять перенесли в дом, садимся чаёвничать. Муж предлагает завтра разгрузить материал и съездить в скит. Ехать предлагает на тягаче, оставив фуру здесь.
— Как вы смотрите на такое предложение — сделать там музей-заповедник? Пусть желающие узнать быт староверов, приезжают.
— Ты же говорил, что дорога туда адская! — Напоминаю ему. — Может в этих домах? И клиентов будет больше.
— Идея отличная! — Мама загорелась нашим предложением. — В каждом доме будут жить твои жёны, изготавливать сувениры, нянчить детей! Но тогда нам нужно быстрее решать вопрос с номерами.
— Мы с Настей умеем ткать рядно из льна. Ника просилась научить её прясь нить.
— Я и хлеб вкусный пеку. — Настя внесла свою лепту. — В доме дедушки хорошая печь.

— Тогда точно нужно ехать на тягаче, привезём станок и остатки вещей. — Принимает окончательное решение Павел.
— Картофель пора окучивать... — Вставляет Даша.
— Значит делаем так. Со скотиной у дома остаётся Даша. Ника на хозяйстве. А остальные с нами в машине.
— Паш. — Я кое-что придумала. — Посмотри карту гугл. Может лесом на квадрацикле ближе ехать!
— Вот я глупец! Точно! Неси их сюда... Губы говорю, неси мне для поцелуя... м-м-м, молодчина!
— Девушки, а сейчас я предлагаю разобрать вещи из Омска, посмотрим, что вам подойдёт. Лифчики навряд ли...
— Стоп! — Громко говорит муж. — Я совсем забыл. На нашей территории девушки и женщины не обязаны носить бельё!
— Мы полностью тебя поддерживаем! Да, доченьки? Я в город без трусов буду ездить.
— Ой, мама, ты грешница! — Растягивая слова, сказала Даша.
— Но ты же помолишься за меня? — Зинуля притянула Дашу к себе, поцеловала в губы. — Ты сегодня будешь спать со мной.
— С тобой? В одной постели? А как же сперму с утра... ? — Насте ведь тоже нужно поправляться. Ты то уже полнее Насти! Вот даже есть за что взяться. — Мама шутя потискала её прыщики. — Правда вот тут, — мама, задрав ей подол, попыталась оттянуть кожу на лобке, — мужу не вольготно.
— Родные мои, да тут действительно по прямой меньше километра. Завтра беру топор... , обрез, плотную одежду и еду строго на юго-восток. Тут и озерцо какое-то рядом. Мам, ты разве не знала о нём?
— Как-то из головы вылетело. Оно без названия. По-моему, метров тридцать шириной и около ста в длину. Только по лесу езжай с Верой. Патроны к обрезу есть?
— Пара всего, но думаю волков это остановит.
— Летом волки на людей не нападают, тем более мотор шуметь будет. — Озвучивает своё знание папа. — А вот если лось или олень...
— Поубивали всех...
— Волки, ведь не дурные, в голодные края возвращаться. Так вот... , если лось или олень, то можно на мясо, чтобы не покупать на рынке.
— Нет. Пока с голоду не пухнем. Раз. Не охота уподобляться живодёрам, убивающих животных из-за одного бедра и рогов. Два. — Сказал муж и я его горячо поддержала, кивая головой. — Настя, ты знаешь какая из коров самая молодая? Её нужно отдать Василию.
— У которой два соска черных. Её привёл отец Захарий две зимы назад, но она уже была дойной.
— Ника, пусть Вася заберёт её, если мы уже отбудем. Вера, идите...
Я поняла почему мы должны идти первыми. Настя взяла свою ночнушку, зубную щётку. Верный остался у порога этого дома.
После бани Настя ещё не расчёсывалась, я ей помогла. Затем заплела их в две не тугие косички.
— Где мне спать?
— Сегодня ты будешь спать с нами. Пойдём зубки почистим...

После процедуры я повела её на постель. Стою, разглядываю цвет её глаз. Днём они мне казались зелёными, сейчас синими. Веки ни разу не тронутые косметикой, ресницы на них необычайно густы и длинны.

Я медленно потянула подол её платья вверх — мотыльки-ресницы сразу участили взмахи, веки при этом сталкивают блеск с роговицы. Когда платье на секунду перекрыло обзор лица, то после, на щеке появилась капля — слизываю её. Когда моё платье скрыло Настю, то успела собраться следующая росинка. Слизав каплю, целую тонкие губы. Настя охватывает меня за шею, другой рукой за талию. Протискиваю язык к её языку, переплетая их, приглашаю к такому танцу.

Сердце моё стремится догнать пульс Насти, но это не выполнимо — её сердце стучится как у птички колибри.

Вижу, что занавески задёрнуты не плотно, а это лицевая сторона дома, кто-нибудь из водителей может выйти прогуляться... Задёргиваю...

— Ты как Павел целуешь.

— А мама? Разве не целовала?

— Мама языком... Только там...

— А ты её... там?

— Да-а-а-а.

Я тяну её на постель, начав с губ, переношу поцелуи на сисечки. О, Господи, такие прыщики у меня были до начала менструации. Бедненькие вы мои, вы разве в Бухенвальде росли? Рёбрышки... поднявшийся навстречу животик. Где там у тебя матка, миленькая? Пушок реденьких волос... Таз мгновенно поднимается навстречу моему лицу. Это портит картину — косточки сильно торчат.

— Попку опусти, а ножки придержи ручками... вот... Какая ты тут сладенькая.

— Мама также сказала, но я потом пробовала — солёная там. И у мамы... , но вкусно... О, Боже! Как вы... это... делаете?

— Всему обучу, сейчас молчи.

С синей каймой, как у Ники, малые губки еле видны меж чуть, только чуть бОльших наружных складок, вагина легко сокращается от малейшего касания жалом, выдавливает секрет. Вылизываю его, как только появляется капля. Немного утолив жажду, раздвигаю губки, любуюсь плевой — светло-розовый лоскут с двумя дырочками. Вот она моя мечта — сыграть язычком на таком варгане.

Утончаю жало как могу, просовываю в дырочку... Пластина завибрировала, издала звук, вышедший из горла девушки.

Мне нравится слушать исполнение шаманских трансов Олёной Подлужной. В моих вещах, лежит варган, который я приобрела у алтайских ремесленников, я даже пыталась обучиться игре на этом вроде простом, но как оказалось сложном для людей без слуха, инструменте.

Но вот сейчас я, вырвав первую ноту из горла Насти, нашла нужный ритм. То делала секундную остановку, то в секунду три-четыре раза дёргала за край плевы. Вскоре послышались и скачки табуна лошадей, и ржание молодой кобылицы. Вой волчицы... и руки отпустили ножки, которые упали на постель.

Я и не заметила, что моё влагалище также вибрирует, забирает силы, которых я за вечер потратила много. Легла рядом с девочкой. Павел появился незаметно — видимо не стал прерывать мою игру.

— Паш, это прекрасно. Говорят, где-то делают пластику плевы. Давай мне восстановим, и ты поиграешь?
— Значит материнство отложим?
— Я... фантазирую. Настёна, наш муж пришёл. Ты готова?
— Я... , прости, Господи. Я была готова ещё в первый день, как увидела его. Мне это открылось, когда отец Захарий начал обучать нас с Дашей езде на лисапеде... Ещё прошлым летом. Даша молчит, не хочет делиться своим таинством... Мама сказала, что боль ничто по сравнению с... экстазом. Правильно сказала... ? Вер, поцелуй меня ещё разок...
Я целую её губы, Паша животик.
— Давай как меня... Пусть она сама сядет.
Павел ложится на постель, придерживает пенис. Я помогаю девочке принять нужную позу. В шесть глаз смотрим, как измазанная влагалищным соком головка, касается врат.
Нет, мне становится плохо — это гигант по сравнению с щёлкой Насти. И он не помещается меж створок раковины! Настя плачет. Плачет навзрыд. Нет! Нужно больше смазки. Поднимаю девушку, усаживаю у его колен. Сама сажусь на пенис — моя смазка гуще, её гораздо больше. Пары минут фрикций должно хватить.
— Настя, может отложим? — Спрашиваю прежде чем освободить место?
— Господь поможет мне.
Вновь настраиваемся на дефлорацию. Павел поводил головкой по губкам, приставил ко входу.
— Насть, не торопись. Придави, поднимись, вновь придави. Губки расслабятся... Помнишь ведь как Ника прыгала на мне?
Опираясь о мою спину, девушка сжала зубы, начала делать что ей сказали. Головка понемногу протискивается меж утончающихся лепестков.
— Господи, позволь мне впустить его в себя! Умоляю, позволь! А-а-а-аааааа
Как ты будешь рожать, деточка моя? Это у меня широкий таз, а неё даже член не пролезает! Нет! Пролез. Настя, потеряв сознание, не удержалась на ногах. Сейчас лежит на груди мужа.
Я поглаживаю её по сильно выпирающим позвонкам. Павлу не нужно напоминать, чтобы не шевелился... И кровушки то в этом тельце мало — можно было не простилать полотенца под попку Павла.
Настя очнулась, искривляя от боли лицо, пытается улыбнуться. Выпрямляет тельце. Я встала, принесла ей воды. Глотнув немного влаги, она смогла ухмыльнуться.
— Теперь я жена, не дева! — Она не приподнимаясь смотрит на низ живота. — Муж мой, вот ты где. — Показывает в район пупка. — Везде боль. В писке, в животе, утроба моя сильно болит. Можно я встану? — Вставая, она пару раз вскрикнула.
Мы укутали её одеялом, положили к стенке.
— Спи, мы омоем чресла. — Я, понимая, неуместность продолжения акта рядом с ней, потянула Павла в душ.
Ополоснув член, от слизи и крови, разрядила напряжённость мужа минетом.
Павел.
— Как сказать ей, что возможно она не сможет стать матерью? Сможет ли она вообще участвовать в акте? — Спросил я у Веры.
Мы легли на узкую кровать, на которой лежать двоим можно только боком.
— Может через пару лет, она поправится, кости перестроятся... Мне гинеколог сказал, что я

буду легко рожать.
— Мужчина? Ты показывала письку мужчине? — Шуткой я пытаюсь отвлечь любимую от грустных дум. — Давай кайся! Возбудилась?
— Я уже согласна лежать на бревне позора. Он так похотливо разглядывал строение моей киски, надавливал изнутри на лобок, так что мне непроизвольно приходилось подмахивать его пальцам. По случаю жаркой погоды, на нём был синий медицинский халат. Его голые волосатые ноги удручали меня. Я представила, что он вообще без белья и его член, может проникнуть меж пуговиц. О, Господи. Муж мой, я шлюха! Я настоящая шлюха! Только сейчас поняла, что если бы он взял меня там, то я бы не смогла оттолкнуть его. Блядь я! Да?... В сундуке я видела солдатский ремень. Отхлещи свою жену-сучку. Накажи и запри в том ските, чтобы я молилась денно и нощно. — Ремнём я могу тебя забить до смерти. Пошли на лобное место, прутья там ещё есть. Скажешь сама, когда прекратить.
Во мне вскипела ревность. Вначале я считал, что она поддерживает мою игру, но мат из этих уст, говорил о серьёзности нашего разговора. На дворе уже темень, мы пошли голышом и босиком. Верный лежал у нашего порога, взмахнув хвостом, сопроводил нас до бревна.
В окне, там, где кровать мамы, светится торшер. Форточка раскрыта.
Вера легла на бревно. Ведро с прутьями стоит там же где его оставили. Испробовал силу удара на своём бедре. Да, такой силы будет достаточно. Жена дёрнулась, но промолчала. Я отсчитываю удары, Вера только дёргается. Слышу скрипит зубами. Когда счёт перешагнул тридцатку, вышли мама и отец.
— Вы чего тут? — Мама не поймёт — похоже на игру, но свист розги достаточно тонкий.
Мы с Верой молчим. Шестьдесят ударов вымотали меня, но не жену.
— Пап, ей нужно кое-что выбить. Я устал, давай ты. Хлещи серьёзно.
Мама закрыла рот ладошкой. Отец хлестнул раз, другой... Свист более низкий.
— Пап, сильнее... , ещё... , ещё, папочка!
Теперь не вынес я. Встал между ней и отцом. Потом поднял Веру на руки. Она обвила меня руками, затем охватила его ногами над бёдрами. Вера ревела в голос. Начавшаяся истерика жены перекинулась на маму. Она также обняла меня рукой за шею, подошедший отец обнял за шею её и Веру. У меня тоже потекли слёзы. Так, постепенно успокаиваясь, мы стояли минут десять.
— У меня кровь бежит...
— Пойдёмте в баню. — Предложила мама.
В предбаннике я уложил супругу на стол. Кажется, мы перестарались. В некоторых местах кожа лопнула, кровит. Мама развела марганцовку, омыла ранки. Начала на меня ворчать, выспрашивать с чего это мы так, но мы оба молчали — это дела между мужем и женой.
Вера так и продолжила лежать верх попой на столе, мы сели на диван. Жена рассказала о проблеме Насти. Отец высказал предположение, что возможно нужен мужчина с маленьким членом.
Мы трое на него зашипели, заворчали. Мама сказала, что и под её ласками Настя не сильно возбуждалась.
— Я добилась её эйфории. — Начала рассказывать Вера. — Язычком по плеве теребенькала. Паш, как тебе, понравилась моя мелодия на таком инструменте?
— Я даже удивился как ты так делала. Она действительно улетела, минуты на три.
Вере надоело лежать на твёрдых досках, попыталась сесть на попу, потом боком на бедро,

опираясь на руку. Вижу, что ей и так не удобно. Поднял её на руки. Горячее тело Веры, пахнущее женщиной, пробудили моё желание. Отец с матерью заметили мою эрекцию. Он прижался губами к её уху, что-то прошептал.самые большие животные и птицы. Углубившись в историю, рассказал о динозаврах и доисторических птицах. Иногда переводя дыхание, мы сидели на стволе дерева, пили воду, слушали щебетание птиц.

Когда выехали к скиту, Даша расплакалась. Ностальгически оглядывая дома, заходила в них, принюхивалась к жилищу.

— Давай поищем что-нибудь покушать. — Предложила она. — В леднике остались банки с солениями. На грядке растёт редиска. Сухари… Да они есть в доме отца. Там под кроватью есть ларь.

Она побежала в тот дом, где умер Захарий. Плоский ларь, также как сундук деда, обитый по углам, где их могут прогрызть мыши, железом.

— Я же про него забыла. Папа здесь держал запас на случай голода. Господи, хоть бы не пропали сухарики.

Я открыл ящик… Вместе с сухарями обнаружили казну скита. Даже деньги советских времён. Довоенные, послевоенные.

Даша выслушала мой рассказ о товарно-денежных отношениях. Рассудив, что такое дельно, спросила много ли здесь денег.

— Нужно внимательно пересчитать, — я отгрыз кусок сухаря, запил его рассолом огурцов, — найти информацию о стоимости каждой ассигнации в отдельности. Какая-то сгодится детям играть в магазин, а за какую-то коллекционеры могут предложить много денег. Ты больше ничего не забыла?

— Давай вместе просмотрим каждый дом, может и забыла, может какая-то из сестёр сама положила что-то и забыла.

Полы во всех домах были земляные. Печи кирпичные с большим шестком, в которые можно влезть взрослому человеку, с лежанкой под потолком.

— Испачкаю одежду. Сейчас найду старую свою, переоденусь.

Даша сходила в другой дом, вернулась в сарафане. Залезла на лежанку, посмотрела под тюфяком. Затем заглянула в печь. В печурку, служившую для сушки обуви. Большая деревянная кровать не осталась без обследования. В других домах нашлись деревянные спицы, низка бус из стекляруса. Цветастый платок, но до того старый, что развалился от того, что Даша неаккуратно стряхнула пыль.

Я предложил всю одежду и обувь перенести в дом Захария, сложить их на печи — всё-таки это самобытные вещи староверов, которые могут послужить экспонатами и примерами для шитья простой одежды.

— Я баню растоплю, пыльная вся.

Даша скорым шагом пошла в баню, а я обследовать крышу ледника. Дверь в него тяжёлая, из толстых досок, на навесах, которые я видел в фильмах о крепостях. Над ней небольшая арка в виде слухового окна. Да, сундучок пролезет. Завтра же надо его сюда спрятать, бросить несколько щепоток пыли. Понадеяться, что пауки восстановят паутину.

— Даш, нужник при тебе строили? — Мне показалось, что он не такой древний, как некоторые в Гнезде.

— Что-то такое помню из своего детства, но не могу сказать точно. Я заварила свежие листы малины и смородины, сейчас будем пить чай. Позвони домой…

Да, за заботами забыл совсем. Вера сказала, что папа и мама уехали в город к Никите. Взяли с собой компромат на Корчмарь. Можно сказать, берут в разработку Таисию. Поглядим, что это даст.

Даша принесла чугунный горшок с кипятком, в котором запашились листья кустарников. Чай и сухари вновь приглушили голод.

— Завтра сюда приедем, наварю сбитень. Паш, я тут подумала... не пискай больше на меня. НО, если это тебе приятно, я потерплю. — Быстро добавила она.

— Я не буду делать ничего что тебе не приятно. Вот прямо среди этих стен, которые хранят тепло Захария, я тебе клянусь — ничего что тебе будет противно и больно.

— И в какайскую дырочку не надо.

— Если сама не попросишь, не буду. — Погладил её по щеке, стирая дорожку влаги. — Здесь бы построить современный большой дом...

— Лучше... шесть маленьких...

— Лучше шесть средних домов, для моих жён и мамы...

— И твоих детей... Вдали от дороги...

— Если денег вырученных от продажи монет хватит, так и сделаем. В Гнезде будет мотель и музей, а тут мы будем отдыхать.

— Объясни мне что такое музей.

— Это дома или парки... сады, где посетители могут знакомиться с деятельностью человека, с его бытом, ремеслом, увлечениями... или прошлой жизнью на планете. Вот когда откроем там музей, то ты будешь просто жить там, растить моего ребёнка, прясть нить, ткать. А любознательные, как ты, любимая, люди зайдут в твой дом, посмотрят... и унесут частичку знания о быте староверов. Через несколько лет... , может десять... я повезу вас в другие города, покажу тамошние музеи.

— Но как же я буду жить и там, и тут? Люди должны будут видеть, как я кормлю грудью дочь?

— Не до такой степени открыто... Это будет такая же работа, как и здешнем доме, только она будет начинаться часов в десять, и заканчиваться в пять-шесть... — Мы и не заметили, что она сидит на моих коленях, я придерживаю её за талию. — А вот чтобы кормить ребёнка... тут кое-что нужно увеличить... в пять-шесть раз как минимум.

Сарафан лёг на изголовье кровати. Моя джинсовая рубашка рядом с ним. Когда я встал, чтобы снять штаны, Даша, громко смеясь, выбежала из дома. С эрегированным пенисом не очень-то побегаешь. Но и самочка не усердствовала в побеге. Косички её растрепались, банты выпали на траву, алыми завитушками украсив её.

Даша упала рядом с бантами, начала кататься по мураве, весело смеясь. Я упал рядом и вторил ей. Отсмеявшись мы посмотрели в глаза друг другу. Сдвинув прядь волос со лба Даши, поцеловал в ставшими алыми губы, перетянул её тельце на себя.

— Муж мой, мама вчера мне сказала, — Даша положила ушко на моё сердце, — когда у меня появится предчувствие что должны начаться кровавые дни, то ты можешь оставить семя во мне. И вот сейчас я чувствую их приближение. Сегодня или завтра с утра...

— Хо! Тогда нам нужно спешить! Наполню твою вагиночку своей спермой. Давай сейчас грязными, потом покупаемся — чистыми...

— Испачкаемся — покупаемся и вновь...

— Писька может устать...

— Моя?
— У меня то не писька, а пенис или член, или фалдус, или, как я люблю его называть — лингам.
— О-о-о! Сколько имён у твоего органа. Как у Господа девяносто девять имён. — Даша переместилась на мои голени, прижалась щекой к лингаму. — Твёрдый... , красивый... , горячий... , наказывающий болью... , благодарящий усладой... , дарящий семя... Господи, Господи, как я Тебе благодарна, Господи, за твоё участие в моём проведении.
С последними словами Даша привстала, направила пенис в вагину, медленно осев на него, испустила вздох облегчения.
— Боли осталось маленькая капелюшка. — Она замерла, мысленно прощаясь с болью. — Паш, кто была твоя первая женщина?
— Мама. Это было зимой в том доме, где она будет жить с папой и Никой.
— Когда вырастит наша дочь, ты станешь её мужем, она мне сестрой. ЧуднО!
— Это только в нашем ските так можно, в стране же это считается большим грехом, и местами подвергается наказанию. Больно? Может прекратим?
— Боль и услада — мои сёстры... , услада сейчас появится. Ляг на меня... Это мне нравится...
Боясь переломать её косточки-рёбрышки, опираюсь на локти-колени. Совершаю медленную фрикцию. Глаза Даши льют слёзы, уста расходятся в улыбке. После первого десятка — глаза высохли, загорелись томлением. Уста расправились в подготовке вскрикнуть... Бёдра напряглись, подняли таз, опустились. Вновь подъём — опускание. Ещё пяток фрикций и Даша построила мостик, да так и замерла — влагалище охватило лингам, могу двигать пенис только в крайней плоти.
Отойдя от паралича, опустила попку, охватила мой таз ножками. Выгибая позвоночник практически перпендикуляром, двигает попку мне навстречу. В следующий оргазм Даши я тоже не выдерживаю и кончаю. Удары эякулята, как стегание розгами — больно, но чертовски восхитительно — жёнушка успевает и ахнуть, и охнуть.
Замок ног постепенно распадается, ручки держат моё лицо, а губки благодарят шёпотом и поцелуями.
— Ещё два шага — забеременеть, родить. Тогда мы, девушки, становимся настоящими жёнами. А сейчас я чувствую, как скипетр исчезает. А я в детстве считала, что он действительно там остаётся, на нём вырастают ножки-ручки. Паш, поднимайся... там вроде мураш ползает, как бы в писку не залез.
Да муравей и не один собирали сперму, вытекающую из влагалища. Сейчас оно не казалось совсем уж маленьким, скорее аккуратненьким кольцом, как коралловый атолл с закрытой лагуной. Даша стряхнула муравьёв, собрала пальчиком каплю, отправила в рот
— Не пропадать же добру. Я в этом деле жадная... И семя есть, и субботиться... А ты своё семя пробовал... ? Как?
— Мамочка обучала.
— Хи! Я думала ртом достал и... хи-хи-хи!
— Есть такие гибкие девушки, которые могут достать свою киску... Письку.
— Киска — писка — писька... Пойдём купаться, чтобы по темну не ехать по лесу.
— Да, ты права. И за это я тебя награжу... Потом, потерпи.
Даша всего лишь протопила печь, чтобы согрелась вода. Мы помылись, отёрли тела старыми льняными простынями.

Пока Даша сушила волосы, я сложил наши одежды в багажник квадрацикла. Даша вплела в косы красные ленты, повязала голову косынкой.
— Домой поедем голыми. Помнишь ведь как тебя трясло по пути сюда?
— Ой какой выдумщик! А с лингамом ничего не случится?
— В такой упаковке как у тебя не случится. Только ты сначала... — Договаривать мне не пришлось...
Даша забралась мне на колени, ориентируя тело попкой ко мне.
— Нет, повернись, ты охватишь меня конечностями.
Видимо моё предложение оказалось лучшим, потому что, покраснев, она повернулась и сказала:
— Я не так поняла. Думала — вдруг пенис выскочит и войдёт в какайскую... Глупая... Господи, прости меня грешную. Может мне сарафан надеть — комарики, веточки...
— Надевай. Только ты должна будешь следить чтобы подол не влез в киску.
— Ой срамота какая будет — сарафан в писке. Хи-хи-хи.
Пока Даша сбегала за платьем, лингам, задумавшись, прилёг. Но, как офицер перед генералом, вытянулся в струнку столб.
Жёнушка нашла тряпочный поясок, подмотала его вокруг талии, закрепив под ним подол. Я начал медленно двигаться по направлению домой. Агрегат потряхивало на корнях сосен, на ухабах почвы. Сотрясения тельца начались практически сразу — Даша перестав дышать, испугала меня. Я сбросил газ до конца, двигатель держался на холостых оборотах, которых хватало на вздрагивающие, как оргазмирующее тело, рывков вперёд.
Рефлекс заставил расшириться грудные клетки, и жена быстро набрала воздух.
— Раз. — Поставила галочку в своём сознании Даша.
Я провернул рукоятку акселератора — вновь тряска на корнях. Жёнушка начала оглашать лес криками восторга какие звучали вчера.
— Два. — Я уже не сбрасывал обороты, а Даша не теряла способность дышать...
— Восемь. — Огласила она, когда я заглушил двигатель у дома. Вера с сестрой и Настеё встретили нас у въезда в лес.
— Муж мой, — Обратила Вера, — ты оставил нас одних, только для того, чтобы посчитать количество оргазмов на новой дороге?
— Так как Ника, — я посмотрел в улыбающиеся глаза Ники, — любит наслаждаться другой моей способностью, а именно омывать её тело мочой, а у Насти не зажила щёлочка, то утром в скит ты едешь со мной. Форма одежды как на Даше. А пока не мешайте Даше пополнить запас протеина...
— Я верно правильно поняла тебя, мой муж, «пополнить запас» чего-то — это выпить кисель... ? Да, сестрички, вам лучше не мешать мне...
... Родители вернулись поздно, но мы дождались их. По виду отца, он ревновал Зину, по виду мамы — результат превзошёл ожидания.
— Никита и Корчмарь Эдуард злейшие враги. Эдик метит в краевое начальство. Тогда он сможет официально начать преследование ставленника Никиты — Шудегова Ильи Захаровича, который в свою очередь тоже лезет на эту должность. Короче — политика. А твой компромат...
— НАШ компромат — Поправила Ника,
— ВАШ компромат поможет Никите.

— Как? — Ника уже загорелась идеей.
— Не знаю. Но Никита, Коль, не ревнуй, однозначно намекнул на то что я получу выгоду, которую ты, милый, принимаешь за плотское удовольствие. Три-четыре дня, и он позвонит о результате. План на завтра не меняется? — Спросила мамочка.
— Нет. Даша и Ника дома, а остальные в скит. Мы с Дашей кое-что придумали... , но об этом... поговорим завтра вечером.
— А мы с Верой надумали продать квартиру в Р-во.
— Раз мы уже полноценная семья, то дополнительные финансы нам не помешают. Туда поедем мы с Никой, а ты па, должен завтра подписать доверенность, так как Павлу нужно помочь с хозяйством.
— И поедем мы туда на Вольво, чтобы погрузить скарб. — Ника давно (целые сутки!), не ласкавшаяся о меня, села на моё колено, свободное от тела Веры, сидевшей на другом.
— Муж мой, мама, папа, разрешите и мне съездить с ними? — Слёзный канал на глазах Даши сдерживал заряд.
И будет ли это салют восторга, или скорбь о напрасно прожитых годАх, зависит только от меня.
— Ты обязательно должна ознакомиться с величием творения Его. — Я понимал, что отдача от временного отсутствия Даши, будет гораздо сильнее тех сил, которые она способна вложить в хозяйственную деятельность семьи.
Третьего колена у меня нет! Но это чудо с косичками нашла выход — охватила меня за шею руками и ногами за таз. Омывая моё лицо солью своих глаз, целовала моё лицо.